

КРИСТИНА ЗОРИНА

ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МОЛОДЁЖНАЯ ПРОЗА

Кристина Зорина

Держись подальше

<https://litres.ru/74124664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Переезжая в новый город учиться, я еще не знала, что им правит Глеб Кратов - надменный самовлюбленный мажор, который верит в то, что все на свете подчиняются ему.

А что, если я не готова подчиниться?

Глеб возненавидел меня с первой секунды и теперь превратит мою жизнь в настоящий ад.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	55
Гла	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Держись подальше

Пролог

Когда я впервые увидела Кратова, то поняла, что ничего хорошего ждать не стоит.

Не от него – от себя. Из-за своей реакции на него.

Из-за своего любопытства.

Он как будто вышел напрямиком из ада.

Ох, черт.

Я скукожилась внутренне, я хотела зажмуриться, чтобы не смотреть, но пока он выходил из машины – я успела разглядеть его целиком.

Завороженно, как будто меня заморозили, остановили время, я смотрела, как открывается дверца, как появляется сначала его нога, обтянутая грубой джинсой, а потом – он весь.

Короткостриженный, с острыми углами лица, которыми можно кромсать людей, брови сведены к переносице, на щеках – позавчерашняя небритость. На нем была черная футболка, она обтягивала крепкие плечи, как вторая кожа, но главное...

Главное – его глаза.

Темнее глаз я в жизни не видела.

Мурашки проползли по плечам. Мне показалось, что сен-

тябрьские тучи, и без того густо нависшие над головой, стали еще плотнее, практически почернели, а землю вокруг окутал густой туман.

Я вздрогнула, когда стоящий рядом Сева прошептал мне в ухо:

– Отвернись, Христом-богом прошу, отвернись.

Я не сразу поняла, чего он хочет, поэтому сморщилась.

– Чего?

– Не пялься на Кратова, нельзя.

Это звучало как вызов, но не в этом дело.

Я до чертиков не любила подобного рода пафос.

Повернувшись к Севе, я вздернула бровь.

– Ты фильмов пересмотрел?

– Такого ублюдка ты не найдешь ни в одном фильме.

– О господи...

Я помотала головой.

Хотела сказать «да он мне не сдался», но взгляд снова, как примагниченный, взметнулся к Кратову.

И наступил конец.

Вот тогда-то это и произошло. В тот самый момент. Я нажила себе такие проблемы, что еще и сама не до конца понимала их масштаб.

Он поднял взгляд, а я уже расставила ловушки, сама того не понимая.

Когда мы встретились глазами, я почувствовала себя так, будто меня уже убили. Исхлестали докрасна, а потом всади-

ли пулю в лоб, и это – мои последние мгновения на земле.

Возможно, если бы я предприняла хотя бы попытку от-
вернуться или посмотреть в пол, у меня был бы шанс, но ме-
ня будто загипнотизировали. Я стояла и смотрела на него,
прямо ему в глаза, смотрела как расширяются от удивления
его зрачки, как еще сильнее хмурится лоб, как он, не веря
в происходящее, совсем не моргает и смотрит на меня в от-
вет сквозь пространство, как рубит взглядом воздух на здо-
ровенные ломти

– Маша, твою мать, – Сева пихнул меня в спину, и я, по-
шатнувшись, потеряла равновесие.

Пришлось опустить взгляд, чтобы не упасть, а когда я под-
няла его снова – на меня уже смотрел не только Кратов, но
и целая толпа его друзей.

Глава 1

Вообще-то, переехав в другой город и сняв квартиру в одном подъезде с лучшим другом, я не ожидала, что начнется нечто подобное.

Дело в том, что я по жизни превосходно наживаю себе врагов. Я не знаю, с чем это связано. Мама всегда считала это проклятьем, несправедливостью, грешила на плохих людей, порчу и сглаз, а отец был тем, кто знал правду: мне просто нужно чуть меньше болтать.

Именно так.

Болтать.

Научиться вовремя затыкать свой рот.

(или прятать глаза, если этого достаточно чтобы не вляпаться в полное дерьмо).

Я же родилась с таким утрированным чувством справедливости, что заткнуть меня можно было лишь зашив мне рот. Или убив меня.

Ну не умею я молчать!

А что еще хуже – ничего не боюсь.

Когда происходит что-то плохое, когда обижают слабых, предают, бросают, поступают непорядочно – я просто. Не могу. Это терпеть.

С детства.

Я не знаю, как это остановить.

Я пыталась, правда.

Вы спросите, ходила ли я с разбитым лицом? Сотни раз! В школе мне ломали пальцы, топили мой портфель, запирали меня в туалете, клеили жвачки мне в волосы, обзывали стукачкой, выскочкой, тупицей, но это меня не останавливало.

Отец считает, что даже конец света меня не остановит.

В какой-то момент он смирился с этим и даже стал считать это моим преимуществом.

– Во вселенной каких-нибудь комиксов ты была бы лидером объединения супергероев, – сказал он, когда уходил от матери в мои тринадцать. – Гни свою линию, дочь. Терпил в этом мире достаточно, а таких как ты – единицы.

Тогда эта фраза произвела на меня глубочайшее впечатление, ведь я была уверена, терпилой отец называет себя (у них были сложные отношения с мамой, но тот факт, что тринадцать лет он именно терпел – неоспорим), но лишь с годами я расслышала ее, рассмотрела, повертела под разными углами.

И полюбила. В какой-то момент даже хотела сделать такую татуировку, но мать не разрешила, а позже и сама я поняла, что это уже чересчур.

Но даже с таким слоганом по жизни однажды устаешь от побоев и буллинга. Вот и я устала. Закончив школу поняла – пора притихнуть. Не до конца, не изменять своим принципам, но и не лезть на рожон. Пожить немного с чистым лицом тоже неплохо.

Поэтому я поступила в универ, нашла работу, сняла крошечную квартирку в одном подъезде с Севой, и уже приготовилась к новой жизни, когда вот эта чушь произошла.

Самое обидное, что я ведь даже не начала! Занятия в универе начинались только послезавтра. Я даже не успела найти для своей квартиры нормальный диван!

И тут Кратов.

Какой ужас.

Двадцать первый век на дворе, технологии, ИИ, куча возможностей, а люди до сих пор продолжают самореализовываться через унижение других людей.

После этой сцены во дворе Сева затаскивает меня в квартиру и припирает к стенке.

– Нельзя так делать! – говорит он сурово. – Это маленький город, слышишь? Крошечный, буквально букашка. Нельзя приезжать и наживать тут врагов! Особенно таких.

Я реально не понимаю.

– Да что я сделала-то?!

– Ты знаешь что!

Я отталкиваю его и обхожу стороной, чтобы разуться. У меня здесь хоть и нет свежего ремонта, полы надраены до блеска, я не готова их пачкать даже в такой стрессовой ситуации.

Сняв кроссовки, я прохожу в комнату – Сева плетется за мной.

– Дай я уточню. Мы живем не в девяностые, так? Мы – современные люди. У нас все хорошо с самоопределением, личными границами, информационным полем. И я. Нажила себе врагов тем, что... ээм... посмотрела на другого человека?

Это реально звучит как полнейший бред.

Сева меняется в лице.

Видимо, до него доходит, что я реально не понимаю.

Он садится в кресло, опирается кулаками о свои колени.

– Мань, ты не понимаешь, куда ты попала. Да, девяностые давно прошли, но не в этом городе. И если ты не готова с этим мириться – уезжай. Лучше прямо сейчас. Потому что все говно, что случится с тобой – случится и со мной, так как нас видели рядом.

Он так серьезен, что я не рискую спорить. Сажусь напротив, выдыхаю, подбирая слова.

– Слушай, ну что этот Кратов, такой крутой, что ли? На него даже смотреть нельзя?

– Да, потому что он реально правит этим городом.

– Правит? Да ему года двадцать два!

– Неважно! Он и в пятнадцать им правил, ты понимаешь? Знаю, ты приехала оттуда, где нет коррупции, где все давно уже живут по законам, а не по понятиям, но здесь, – он за чем-то показывает указательными пальцами в пол, – время остановилось. И оно будет стоять, пока городом правит Кратов-старший, пока под ним ходит вся полиция, прокуратура,

администрация, пока деньги льются рекой и купить можно кого угодно.

– Меня нельзя, – вырывается у меня, и Сева тяжело вздыхает.

– Я серьезно, Машк. Ты подумай об этом. Ты слишком сложная для такого места. Будешь сопротивляться – потянешь на дно и меня. Лучше уезжай, пока не началось.

Что именно должно «начаться» он не говорит – уходит к себе. А я остаюсь одна, переваривать происходящее.

Глава 2

Естественно, весь вечер и следующий день я гуглю все на Кратова и его семью.

Я была уверена, что Кратов-старший – это мэр, но оказывается, что он просто какой-то криминальный авторитет в прошлом, который в свое время наворовал столько, что до сих пор не знает, по каким мешкам распихивать.

Он не слишком часто появляется на людях, но, судя по всему, так хорошо дает на лапу каждому, кого хочет под себя подмять, что все это до сих пор считается здесь нормальным. И этим сполна пользуется его сынок.

Глеб Кратов (тот, кому, какой кринж, нельзя смотреть в глаза!) – двадцать два года, учится, к сожалению, в том же университете, куда поступили мы с Севой, но, к счастью, на другом факультете, и на последнем курсе. Странички в соц-сетях – пустые, как и его душа, судя по всему. То есть, вообще ничего. Только фото трехлетней давности, на котором он все с теми же сведенными бровями и недовольным лицом, но чуть более юный. Судя по всему, у него есть какой-то то ли склад, то ли ангар в том районе, где мы с Севой живем, поэтому он часто в этих местах появляется. Почему Глеб считает, что холодный старый ангар – это отличное место для тусовок – загадка, которую мне не слишком-то хочется разгадывать.

Зато у его сестры, Алины, полно фотографий. Она старше, ей двадцать пять, и она, судя по всему, давно живет за границей. Пользуется благами отца на всю катушку. Почему Глеб не рванул за ней – неясно.

Про мать ничего неизвестно.

И вообще вся эта семейка вызывает смешанные чувства.

Отец на всех фото улыбается, как депутат, почти везде он с уважаемыми гостями и работниками городских служб. Почти везде за его спиной – Глеб, который не улыбается никогда. Может ему запретили улыбаться? Может, он не умеет? Курсы ему что ли какие оплатить?

То, что я гуглю все это, никак не мешает мне продолжать недоумевать от происходящего.

Нет, я и раньше слышала, что в некоторых регионах нашей большой и щедрой застыло время, но я не думала, что до такой степени. Ведь внешне городок очень милый, уютный, вполне развитый: новостройки, дороги, парки, супермаркеты, кинотеатр вон новый открыли, торговый центр и спортивный клуб. Девушки по улицам ходят на люксе, машины на парковках – дорогие гибриды, подростки с айфонами – все внешне даже очень неплохо!

А может, в этом и смысл?

В том, что чтобы такой отдаленный и маленький городок процветал, ему нужна жесткая рука?

Верить в это, если честно, не хочется.

Но и проверять Севины слова – тоже. Да и мне здесь нра-

вится! Правда, нравится! Я никогда не хотела в столицу или в крупный город, я приехала ради хорошего образования, дешевой аренды и моего друга!

И меньше всего на свете я хотела бы его подводить.

Поэтому я принимаю решение – не отсвечивать.

Принимаю его и не встречаюсь с Кратовым весь сентябрь вообще.

Мы с Севой с уверенностью врываемся в свой первый студенческий год.

Я еще в юном возрасте поняла, что хочу быть журналисткой. Отец тогда сказал, что горе тем, кто встанет у меня на пути, и мне это польстило. Я начала изучать эту сферу со всех сторон, так и познакомилась с Севой. Нам было по пятнадцать, когда мы поссорились в комментариях в одной группе в ВК из-за каких-то политических дебатов, после чего перешли в личку и стали лучшими друзьями навсегда. Позже выяснилось, что в городе, где живет Сева, есть университет с факультетом журналистики, и это стало нашей общей целью на ближайшие годы.

Мы бы и жили вместе, если бы родители Севы не настояли, что он должен проживать один (возможно, потому что они приезжали к нему почти каждый день и часто оставались на ночь).

Так как жилье в этом городке относительно недорогое, то нами с отцом было принято решение снять мне квартиру ря-

дом. Отец согласился оплачивать половину, а на вторую мне придется зарабатывать самой, но я не в обиде. Мне восемнадцать, уже пора.

Первые недели учебы проходят в такой суете, что я хую на три килограмма. Мы постоянно в делах, бегаем из корпуса в корпус, знакомимся с местом, с преподавателями, с жесткими охранниками на входе и с ужасно безвкусным картофельным пюре в буфете.

После учебы мы выходим в свою смену в маленьком семейном ресторанчике с русской кухней. Я – мою посуду в подсобке, Сева – в зале разносит заказы гостям. На следующий день мы меняемся местами, после чего следуют два выходных. Нам платят по тысяче рублей за неполную смену, и это лучшее, что мы можем сейчас найти.

С первых же дней нас заваливают домашней работой, которую приходится делать по ночам, и в общей сложности мы спим по 4-5 часов в сутки, но нас не остановить.

Потому что энергия генерируется из дикого любопытства, из этого удивительного новшества – взрослая жизнь! Вдали от родителей, самостоятельная, крутая! Вау!

Единственное, с чем мы не заморачиваемся дома – с готовкой еды, потому что Севина мать привозит ее на всю неделю.

Когда к концу сентября однокурсник Артем предлагает посидеть где-нибудь в субботу вечером, я понимаю, что не мыла голову уже пять дней. Я не знаю, предлагает ли он это

мне, как поход на свидание, так что спрашиваю напрямую:

– А еще кто-нибудь пойдет?

Уголки его губ чуть опускаются, и он немного краснеет щеками.

– Если хочешь, можем еще кого-нибудь позвать.

– Круто. Возьму Севу.

Он кивает.

– А я тогда школьную подругу...

Я вдруг понимаю, что теперь это выглядит как двойное свидание, и, черт. Это вообще не входило в мои планы, но и отказываться не хочется. К тому же, я с момента приезда нигде кроме универа, работы и дома не была, и это пора исправить.

Глава 3

Артем присылает адрес какого-то бара и вечером в субботу мы выдвигаемся туда на автобусе.

Главная цель сейчас – не слишком растратить заработанное, так как скоро платить за жилье, а еще нам нужно купить учебники.

Сева прибахлился, его выгоревшие за лето светлые волосы сейчас аккуратно причесаны, а плечи накрыты красивой джинсовой курткой. Я конечно же на его фоне чувствую себя серой мышкой, так как особо не заморачивалась. Мои кудрявые темные волосы как обычно торчат в беспорядке, а футболка еще из школьного моего гардероба. Но это и понятно, у нас разные цели. Сева идет клеить девчонок, а я – просто выпить и немного отдохнуть.

– Артем же понял, что я не заинтересована в нем, как в парне, да? – спрашиваю, когда мы уже у дверей бара.

Сева рассматривает мое лицо.

– Детка, ты в следующий раз пиши это покрупнее на своем лбу. Нет конечно!

– Тогда у меня проблемы.

– Ты можешь не говорить ему об этом прямо в первую минуту? Иначе они свалят, и мы будем сидеть там как два лоха-первокурсника без компании.

– Мы и так два лоха-первокурсника, если что.

Сева просит меня замолкнуть.

Я вздыхаю.

Ненавижу врать.

Просто ненавижу.

Когда мы входим, ребята уже внутри.

На Артеме белая рубашка и свежая укладка, и мне становится неловко.

– Ставлю сотку – он не понял, что это не свидание, – шипит Сева сквозь зубы.

Рядом с Артемом его подруга – блондинка с яркими синими прядями в волосах. Она выглядит довольно неформально, огромные розовые ресницы достают ей почти до бровей, и я внутренне улыбаюсь. После рассказов о том, как все застарело в городке, видеть кого-то столь нетипичного – очень приятно.

– Привет! – машет Тема со своего места.

Мы направляемся к ним.

Попутно я рассматриваю бар.

Впервые я в таком заведении. Мне не удастся понять, кто его целевая аудитория. Обычно как – ты заходишь и сразу видишь, кто здесь чаще бывает – люди за тридцать, пожилые любители футбола или подростки с поддельными документами. Здесь же за столиками сидят настолько разные гости, что вообще не разобрать.

Мы усаживаемся, заказываем по парочке коктейлей, Тема

знакомит нас с подругой Светой, которая тут же делает из Севы какого-то дегенерата, ведь он начинает вести себя, как придурок, впервые в жизни увидевший девушку.

Я почти проваливаюсь сквозь землю от стыда, когда понимаю, что Свете его подкаты нравятся. Видимо, она считает их нестандартными, хотя если бы ко мне подкатили так, я бы тут же ушла.

В целом, мне нравится и компания, и заведение. Мы болтаем про учебу, работу, про то, куда в городе еще можно сходить. Оказывается, что ребята много где были, и мы с Севой, как два девственника, слушаем их, открыв рты.

Алкоголь расслабляет мозг и тело. Я откидываюсь на спинку и чувствую дикое желание подышать воздухом.

– Там, за випкой, есть выход в курилку, – подсказывает мне Артем.

Я благодарю его и, набросив куртку на плечи, иду на поиски.

Сам по себе бар небольшой, всего восемь столиков и барная стойка, но есть еще вип-зона. Она находится на один ярус выше и отделена от основного зала стеклянной стеной. Таким образом с лестницы можно увидеть, что происходит в випке.

У меня нет цели подглядывать за местными мажорами, которых не устраивает основной зал, но, проходя мимо, я ненароком бросаю туда взгляд и понимаю, что там еще меньше столиков. По всему залу расставлены кожаные диваны, в

одном из которых, утопая, сидит Глеб Кратов с какой-то девушкой. В руке у девушки трубка от кальяна, на лице Кратова – полнейшая скука. Вокруг них есть и другие люди, но они все – блеклое пятно, просто массовка для Кратова, и мне больно от того, как сильно это бросается в глаза.

Я научена на своих же ошибках и ухожу быстрее, чем меня застукают за подглядыванием.

В курилке никого нет.

Я спокойно вдыхаю прохладный вечерний воздух, ищу взглядом скамейку или лавку, куда можно сесть, но вокруг нет ничего, кроме маленького выступа в стене, к которому я и прислоняюсь, наслаждаясь тишиной.

На улице темно и прохладно. Еще только середина сентября, но уже чувствуется приближение скорых холодов, и я радуюсь, что перевезла из дома сразу все свои теплые куртки.

На душе хорошо.

Честно? Дома никогда не было так хорошо, поэтому я убеждаю себя, что, несмотря ни на что, я на своем месте. Мне нравится мой универ, вокруг меня хорошие люди, возможно, если привыкнуть, где-то местами подстроиться (да-да, Маша, подстроиться!), я смогу быть по-настоящему счастлива здесь.

Справа от меня хлопает дверь, и я вздрагиваю, так как по стене от этого проходит вибрация.

Фонаря в курилке нет, но света из окна достаточно, чтобы я рассмотрела силуэт Кратова во всей красе.

Его чуть ссутулившаяся спина все так же обтянута черной футболкой, как в день нашей первой и единственной встречи. Затылок почти полностью выбрит. На этот раз я не вижу его лица и тайно радуюсь, но потом вдруг понимаю в каком я положении.

Он не видит меня.

Но может увидеть в любую секунду, а я совершенно этого не хочу.

Да, я не боюсь его, но черт, мне не по себе. Его тяжелый, прожигающий насквозь взгляд снился мне ночами, мне не хочется оставаться с ним наедине, это странно, неловко и как будто даже пугающе.

Я в надежде смотрю на дверь, просто хочу, чтобы вышел хоть кто-нибудь еще, неважно, из его компании или из моей, но никого нет! И мы одни!

А он все еще не увидел меня!

Но увидит, как только повернется!

Горло сжимает беспокойством. Я грешу на алкоголь, ведь в жизни я бесстрашная, не будь я такой – я не попадала бы в дерьмо так часто!

Я мечтаю провалиться сквозь эту стену или стать ее частью.

Пока я размышляю, как бы мне испариться максимально незаметно, Кратов вынимает из кармана звонящий телефон.

– Да. Не слышал. Да правда не слышал, пап, в баре музыка громкая... В баре! С друзьями, с кем еще?! Я не... Не огрызаюсь. Прости. Прости, пожалуйста. Нет, его нет. Честно, пап, нет тут Филя. Да я клянусь! Не виделся я с ним, ты же знаешь... Честно!

Голос Кратова хриплый, прокуренный. Идеально подходящий его внешности. Когда ты видишь кого-то с таким лицом, ты сразу представляешь именно хриплый прокуренный голос. Разумеется, это делает его еще большим клише, чем он был в моих глазах раньше, но не это главное.

Главное – то, какой он в разговоре с отцом.

Покладистый, послушный щеночек. Ну просто бусинка, которой поставь в телефон родительский контроль – сопротивляться не станет.

И это...

Абсолютно, совершенно меняет дело!

Со-вер-шен-но!

Очевидно, что никто не знает его таким, иначе иллюзия вот этого грозного альфаха, которому нельзя смотреть в глаза, рассеется, как дым, но я вижу. Слышу. Знаю.

Это будоражит...

Я же сейчас на таком эксклюзиве бешеном!

Сердце у меня начинает стучать как сумасшедшее, и я так увлечена, что напрочь забываю про зажатый в руке телефон, который тренькает уведомлением в самый неподходящий момент.

– Вот черт, – вырывается у меня.

Я вздрагиваю от неожиданности и легкого испуга, поднимаю глаза и, ну, капец.

Шансов, что Кратов меня не услышал, ровно ноль, потому что он смотрит прямо на меня, и в глазах его плещется адское пламя.

Глава 4

– Я перезвоню тебе, – говорит Кратов в трубку и прячет телефон в карман.

Я вжата в стену на максимум.

Сердце заходится, душа куда-то в пятки уходит.

Я убеждаю себя – ну не станет же он меня бить, да?! Он же все-таки мужчина... Ну... какой-никакой! Это же просто не современно, не гуманно, не...

– Прикол, – говорит вдруг он, подходя ко мне почти впри-
тык. – Подслушиваешь?

– Да было бы что...

– Какого ты роста?

Это настолько неожиданный вопрос, что я теряюсь.

– Чего?

– И какого роста ты будешь, если я поставлю тебя на колени?

Он оглядывает меня сверху донизу, особое внимание уделяя ногам.

До меня доходит: все его вопросы – риторические. Очевидно, я слишком пустое место, чтобы он ждал моего ответа.

– Это по-твоему адекватно? Ты меня даже не знаешь.

– Ну почему же не знаю? – он отступает на шаг, прикладывает сигарету к губам и, сделав затяжку, выпускает дым вместе со словами. – Самсонова Мария Михайловна. Восемна-

дцать лет. Факультет журналистики. Мама – бухгалтер, папа – водитель в дорожной компании, ставлю сотку – это он выбирал имя? Красивое, значимое имя – «Мария». Упрямая, непослушная и... святая. Ты у нас за добро выступаешь, да, Маш? Похвально, похвально...

Я настолько в шоке, что не могу выдавить из себя ни слова.

Липкая дрожь проходит по позвоночнику. Мое имя из его губ звучит, как проклятье, и мне мерзко от самого факта, что мы делим с ним один воздух, что дым от его сигареты летит мне в лицо, что его рот так близко к моему, а его запах такой острый и сильный, что перебивает запах дыма и моего замешательства.

От того правильного сына, что только что разговаривал с отцом, не остается ничего. Совсем. Как будто и не было этой сцены минуту назад. Как будто она мне приснилась в температурном бреде.

А ему словно мало.

Улыбка мажет по пухлым губам, обнажая белые зубы.

Он продолжает.

– Ты умница, что к нам в город приехала, Маша. Мы гостей любим, мы к ним всегда со всем уважением. Ты же проживаешь... на Мичурина, кажется? С дружкой своим за стенкой? И окна у тебя на «Пятерочку» смотрят. Я, наверное, как-нибудь в гости заскочу, да? Ты хоть кивай, Маш, а то че как не родная? В гости-топустишь, говорю? – я не от-

вечаю, и выражение его лица вдруг меняется. Глаза темнеют, губы сжимаются. Он хватает меня за подбородок так сильно, что я чувствую боль. – Отвечай!

Я умру, если отвечу.

Возможно, я и так сейчас умру, так как передо мной полный психопат, но если отвечу – умру для самой себя, поддамся, позволю так поступить с собой.

Я принимаю решение в ту же секунду.

Ни. За. Что.

Этот человек меня не сломает.

Никогда, блин, в жизни.

Так что только сильнее сжимаю зубы, а когда язык отлипает от неба и позволяет заговорить, выдавливаю:

– Надеюсь, с друзьями ты поласковее... С Филом, например?

Господи, я ляпаю это, просто чтобы хоть как-то от него отбиться, просто зацепившись за имя, которое фигурировало в разговоре, но ведь что-то есть за этим именем? Какая-то история, какой-то страх?

Глаза его вспыхивают так, что я уверена – ну, это все.

Сейчас он расшибет мне голову об эту кирпичную стену. И все последующие годы посетители бара будут любоваться здесь остатками моих мозгов.

Я набираю воздуха в легкие, а когда уже готова принимать удары – он отпускает меня.

Отпускает и в тень отступает, как какой-то маньяк.

Я не сразу понимаю, что это значит, но через секунду в курилку вываливает компания молодых людей, и я выдыхаю с облегчением.

До конца вечера я стараюсь не выглядеть нервной, потому что знаю, как это расценят – будто мне стало скучно.

Ребята хохочут на весь бар, Сева – пьянеет и кривляется по полной, а я...

Я никак не могу забыть глаза Кратова, эту пугающую черноту, в которой совершенно нет никакого цвета.

Как это возможно?

Я не знаю, ушел ли Кратов с компанией или все еще в випке, но на всякий случай в курилку больше не хожу.

И это бесит меня!

Это так на меня не похоже, что аж тошнит.

Я выпиваю еще два бокала, но больше не лезет, так что все оставшееся время я просто стараюсь выглядеть НОРМАЛЬНО, убеждая себя, что меня не пугает Кратов.

Меня невозможно напугать, это же я!

Мы провожаем ребят на такси и идем с Севой пешком. Всю дорогу домой он рассказывает мне о том, как ему понравилась Света, и как они подходят друг другу, ведь даже имена у них созвучны.

Я рассматриваю набережную, которая в ночном свете выглядит, как будто с картинки. Безупречно ровная гладь воды, не тронутая ветром. Огромное темно-синее небо, отражаю-

щеся в ней, с рассыпанными крапинками золотистых звезд, кажется бескрайним. Меня это пугает. Пугает то, насколько громаден мир вокруг нас, и какие же мы пылинки, когда рядом – такая громадина.

– Я хочу тебе признаться, – говорю я, растрогавшись.

Сева, идущий впереди с романтичным видом, оборачивается.

– Ты все-таки влюблена в меня по уши?

– Нет.

– Слава богу.

Я хочу рассказать ему о Кратове. О том, как мы столкнулись в курилке, о том, что я действительно в какой-то момент почувствовала себя нехорошо из-за него и что, возможно, он и правда такой человек, каким его считают. Плохой человек.

Но у Севы такое хорошее настроение, что я не готова его испортить.

По крайней мере, не сегодня.

Я слишком долго думаю – Сева становится подозрительным и останавливается, глядя на меня сурово.

– Что стряслось?

– Вы со Светой и правда красивая пара. Не упusti ее.

Не знаю, верит ли он мне, но я подтверждаю свои слова дурацкой рожей, и Сева весь оставшийся путь идет счастливым.

Глава 5

Это происходит на следующий же день.

Наверное, подсознательно я и так этого ждала – просто не хотела верить. Но это и правда происходит – так предсказуемо, что даже смешно.

Я была права, когда убеждала себя, что Кратов не будет меня трогать.

Это делают другие люди.

Вместо него.

Он даже не счел необходимым присутствовать при этом.

Две девчонки. Ловят вечером во дворе и, на глазах у прохожих, запихивают в машину. Увозят недалеко, за гаражи, и играют со мной. Толкают, перекидывая друг другу, тянут за волосы, сжимают шею, выкручивают руки, при этом так громко смеются, что мне не по себе.

Я настолько обескуражена происходящим, что даже не пытаюсь сопротивляться, потому что, серьезно, Кратов? Вот так банально?

Закрываю голову уже привычным жестом, колени подтягиваю к груди.

Они не делают из меня котлету, думаю, им просто лень, это скорее игра, где я – мячик, который можно отбить рукой. Но все-таки по лицу я получаю. Я чувствую кровь у себя во рту, чувствую, как губа почти сразу опухает, как становится

трудно дышать. Я откашливаюсь, сплевываю на пол, одна из девчонок хватает меня за волосы, и я вижу в ее глазах, что ее это веселит.

Запрещаю себе открывать рот. Просто запрещаю. Вижу по стали в глазах – нельзя. Приходится прикусить язык, ведь слова так и рвутся, так и просятся наружу, но сейчас – нельзя. Я научена – будет хуже.

– Держись подальше от Глеба Кратова, – говорит та, что пониже.

Мне становится так нестерпимо смешно, ведь я и так не стремлюсь с ним сблизиться! Я видела его всего два раза в жизни, и оба не то чтобы по своему желанию!

Очевидно, у Кратова ооочень тупые подружки. Тупые и пафосные.

Когда они уезжают, я еще какое-то время лежу, пока не становится совсем тихо, пока гул мотора не стихает совсем.

Потом сажусь, опираюсь о стену гаража и вызываю такси.

– Куда? – спрашивает водитель.

Я сажусь, придерживая руку на ребрах.

Пытаюсь поймать его взгляд в зеркало заднего вида, но он совсем не смотрит на меня.

– В полицию.

В последнее время в ангаре – скукотища.

Я скучаю по временам, когда здесь собиралась толпа таких размеров, что все не помещались, и приходилось разгонять

чмошников, чтобы уступить место нормальным пацанам.

Сейчас все стухло.

Мы сидим впятером: Я, Леха, Тимур, Милка и сестра Лехи, Анька, которую недавно начали отпускать с нами гулять.

Позже подтянутся остальные, но мне уже не хочется здесь быть, если честно.

Надо че-то замутить.

Может, открыть клуб? Свой собственный, где будет лампово и круто, безо всяких блевотных сладких напитков и кожаных диванов – тусклый свет, как от керосинки, горящие в бочках костры, запах резины от спортивных тачек и можно курить.

Милка лапает меня, и я откидываю ее руку.

Достала.

Она обиженно дует губки, а потом – огромный пузырь из жвачки, но реально, мы с ней столько лет знакомы, что на нее давно уже не стоит.

Тимур достает «Алису», которая включает не ту музыку, какая ему нравится.

– Алиса, следующую... Следующую... Следующую.

Я встаю и, разминая кости, выбрасываю бутылку из-под пива в огромный мешок.

Потом говорю Лехе:

– Мусор вывезите сегодня. Уже свалка, а не ангар.

Делать тут реально нефиг, и я уже собираюсь ехать домой, когда огромная железная дверь со скрипом открывается, и в

помещение влетает...

Пугало.

Так я решил ее называть.

Ну не Машенькой же, правда?

Она на таком уверенном херачит в мою сторону через ангар, что я даже немного пугаюсь... А потом начинаю дико ржать, честное слово, потому что этот шпиц с лохматой башкой ни в одной вселенной не станет выглядеть пугающе.

При этом появление ее такое эффектное, что в шоке абсолютно все.

Милка даже прекращает лопать пузыри из жвачки, а Тимур оставляет «Алису» в покое.

– Прикол, – ржу я, когда она подходит ближе. – Где тебя так покрасили, лапочка?

Она поднимает руку, и я думаю, что она сейчас ударит меня, но в руке у нее зажат какой-то листок.

– Это копия протокола, – говорит она. – Я написала заявление в полицию, и знаешь что? Я в курсе, что тебе ничего за это не будет, потому что ты делаешь все это чужими руками. Но этих двоих завтра вызовут на допрос. Или ты думал, ты один умеешь гуглить чужую личку?

Она кивает на Милку и Аню, которые уже в открытую развлекаются, ухохатываясь с нее.

Я даже не знаю, как на эту херню реагировать.

С одной стороны – ну тоска же смертная. Понятно, что даже если вдруг Лехин и Анькин батя заведет на них дело,

то максимум, чем все это закончится – административной. (спойлер – он не заведет).

А с другой...

Ну хоть что-то происходит в этом протухшем сраном городе.

Делаю вид, что обеспокоен – скрещиваю руки на груди, оглядываюсь по сторонам.

– Ты могла бы ко мне прийти, Маш, мы бы все порешали, че уж так-то, на крайние меры?

Она как-то странно смотрит на меня, а потом отступает на шаг, и я вижу – она понимает. Понимает, что я угораю, потому что она чертовски умненькая девчонка.

Сжимает зубы.

Я вижу, что она зла. Возможно, зла так сильно, что не видит границ, чувство самосохранения отшибло, но ещё я вижу, что она такая и есть – это черта ее характера, и это... Интересно.

Таких еще не было.

Были те, кто боялся, кто убегал, подстраивался и пытался стать мне другом, лишь бы не быть врагом.

А таких – не было.

Она подходит ближе – почти так же близко, как вчера, в курилке бара, – и я понимаю, что она почти на голову ниже меня. Волосы эти странные, с падающей на лоб челкой, ну пугало, не иначе. Еще и шмотки все больше нее на три размера, от чего кажется, что она вообще ни хрена не весит.

И нафиг девки ее вдвоем месили, одной Милки хватило бы. Да че там – одной Милкиной правой руки.

– Думаешь, что все можешь купить? – спрашивает пугало, и глаза ее светятся.

Реально светятся.

Я такого блеска лютого, злого, полного решимости, не видел много лет, а если прям задуматься, то, пожалуй, никогда.

– Ну да.

– Пошел ты, Кратов, в задницу. Я тебя не боюсь, – она вдруг подходит так близко, что я вздрагиваю, и продолжает шепотом, так, что слышать могу только я. – Ты же просто ничтожество. Просто. Ничтожество. Ты из себя ничего не представляешь, и все, что ты можешь – чужими руками ломать чьи-то кости, но когда приходишь домой, ты дрожишь от страха, что папочка наругает. Мне так жаль тебя, Кратов. Мне так тебя жаль.

Она отступает, и я надеюсь только, что света от одной-единственной лампочки в потолке не хватит, чтобы остальные могли рассмотреть выражение моего лица.

Надо взять себя в руки.

Взять себя в руки, черт возьми.

Это невозможно – чтобы какая-то дура могла прийти и вот так расшатать меня!

Я таких давлю ботинком, как клопов, у нее нет никакой власти надо мной. Ее завтра же может уже не быть – не просто в городе, вообще не быть, и ни черта мне за это не будет!

– А ты смелая, – единственное, что могу произнести. – Жаль, что проживешь недолго.

– Ммм, угрозы, – улыбается она. – Придумай что пооригинальнее. А то повторяешься.

С этими словами она разворачивается и уходит, а я стою, как придурок конченный, смотрю ей в спину.

Это так похоже на сон какой-то, что я не в курсе, как из этого сна выбраться.

– Глеб, может ей по-серьезке накостылять? – встречает Анька. – Достала, честно.

– Не трогать, – обрубаю жестко. – С ней я буду разбираться сам.

Ужин в три часа ночи вчерашними варениками? Дайте два! Я даже свет не включаю – нет, мне не страшно, просто этот ужасный день так сильно меня достал, что я не хочу ничего видеть. Только свои вареники, которым и света от горящего в темной кухне телефона вполне достаточно.

Итак, что мы имеем?

Я жестко напоролась на Кратова.

Его не остановить, но и меня не остановить тоже.

Что я намерена делать? А черт его знает! Судя по тому, как смеялись над моим заявлением его друзья – это ни к чему не приведет, ровным счетом, а Кратову тем более на это плевать, ведь он сам вообще меня не трогал.

Но война началась.

И не закончится. Не после того дерьма, что я ему наговорила, и не после того, как я видела эту лютую ненависть в его взгляде.

Я думаю о Севе.

О том, коснется ли это его, и если да, то как мне его убедить.

Думаю о том, что я, в целом, крепкая девчонка, несмотря на хилое телосложение, и если что, могу держаться максимально долго, но на что способен Кратов – загадка.

Если это издевательства в духе старшей школы, то и черт с ним. Мне плевать. А если что посерьезнее?

Голова болит так сильно, что мне больно даже жевать. Каждое мое движение сопровождается ноющей болью, и, отодвинув тарелку в сторону, я встаю из-за стола.

Принимаю быстрый душ, стараясь не касаться водой лица, пью таблетки и без сил падаю на кровать.

Глава 6

Обычно на мне заживает все очень быстро, но не в этот раз.

Синяк на скуле постепенно желтеет, а вот губа... Трещина в самом неудобном месте, на уголке, едва начинает затягивается, как лопается снова, и я уже почти перманентно чувствую вкус крови во рту.

Сева дуется, но все равно отказывается прекращать общение со мной, утверждая, что я хоть и дура – все-таки его лучший друг, и другого он не хочет.

Мне это льстит до безобразия, так что я оплачиваю его обед в буфете, пока мы ждем, когда закончится окно перед следующей парой.

Я с удовольствием уплетаю рыбную котлету с пюре, когда дверь открывается и закрывается с грохотом.

Нечто удивительное происходит, так как *я узнаю запах Кратова* до того, как вижу его.

От осознания, что его запах вгрызся в мою память так намертво, и что никто больше так как он не пахнет, меня воротит, и котлета больше не лезет в глотку.

Я вижу взгляд Севы.

Он начинает блуждать в пространстве, не зная за что зацепиться, словно это не Глеб Кратов зашел в столовую, а сам сатана выполз из-под земли по нашу душу.

Я пинаю его ногой под столом.

– Успокойся.

– Там...

– Я знаю. Не господь-бог. Все ок.

Все реально ок, потому что я чувствую себя прекрасно от этой мысли – я его не боюсь! И реакция Севы даже как будто кажется слегка комичной.

Я не успеваю даже головы повернуть, когда рядом с моим стулом опускается стул спинкой вперед, и Кратов усаживается на него, улыбаясь нам так, как будто мы старые друзья.

Я замечаю, что он сменил черную футболку на черный свитшот с рукавами, но, надо признать, выглядит он хорошо. Ну еще бы, его ведь не бьют в подворотнях, да?

– Здорова, – приветствует он. Позади него, как верные псы, выстроились в линию четыре шестерки (две из них меня били, кстати говоря). – Приятного аппетита.

– Спасибо, – выдавливает Сева.

Я не считаю нужным отвечать, но и продолжать есть будто ничего не происходит, ну, объективно, бред.

Смотрю на Кратова прямо.

– Чего надо?

– Вот ты, Маш, недружелюбная какая-то! Как не столкнемся с тобой, ты все агрисься. Успокойся, мы с миром.

От слова «мир», слетающего с его губ, у меня ком подступает к горлу.

Мои синяки еще видно на лице. О каком мире может идти

речь?

– С миром? – переспрашиваю, не пытаюсь скрыть своей реакции на него.

– Конечно! Я клуб открываю, в вашем районе, кстати. Помнишь ангар? Конечно помнишь, теперь там клуб будет, мой, круто, правда?

Я вижу, как ужасом наполняются Севины глаза.

Скрещиваю руки на груди.

– Хммм... Отбитый наглухо психопат и его дружки будут на постоянной основе тусоваться в нашем районе, да еще и устраивать там вечеринки, – говорю я спокойно. – Действительно круто.

Кратов на мою реплику вскидывает вверх руки.

– Я не обижаюсь! Не обижаюсь! Такая манера общения, принимаю и прощаю.

У меня аж глаз начинает дергаться.

Я перевожу взгляд на Севу, как бы уточняя, я же не одна это слышала?

Сева сидит с каменным лицом.

– Постой, – снова смотрю Кратову в глаза. – Ты... прощаешь меня?

– Конечно! – с энтузиазмом заявляет он. – Я – человек не злопамятный. А вот если в пятницу на открытие не придете – обижусь.

И с этими словами он делает то, что только доказывает всю отвратительность его характера – он впервые за весь диа-

лог поворачивается к Севе и подмигивает ему.

И это ужас, товарищи.

Это ужас.

Я уже заранее понимаю, что бой проигран, потому что Сева боится его. Реально боится, и не слушается, и пойдет туда, как миленький, а я? Ну что я? Пойду с ним, ведь других вариантов даже не рассматриваю.

Кратов вынимает из кармана два пригласительных и опускает на стол.

От одной мысли, что я прикоснусь к ним, меня воротит, так что я отворачиваюсь к окну.

– До пятницы, – говорит Кратов, а потом повторяет специально для меня. – Мааш. До пятницы.

– Ты будешь гнить в аду, – отвечаю я, продолжая смотреть в окно.

– Знаю, лапочка. Поскорей бы.

Когда он уходит, Сева смотрит на меня виновато, а я хочу пойти в туалет и выплюнуть в унитаз то, что только что съела.

Это превращается в мое новое развлечение.

Представляете, как круто? Тухнуть в скуке и серости дней с опостылевшими подсывалами, с лицами, запуганными и верными, с полным отсутствием разнообразия, а потом вдруг встретить... ее.

Эту языкастую.

Которая взгляд не прячет и своими зеленущими прямо на

меня смотрит, как будто смерти не боится вообще.

Потрясающе!

Просто потрясающе!

Мне так нравится эта игра, что Маша даже снится мне пару ночей подряд – вся такая колючка, у которой напрочь отбило мозги, раз она решила со мной тягаться.

Это и открытие клуба стало двумя моими главными задачами на ближайшие дни.

Клуб получается офигенным.

Лучшая аппаратура, музыка, свет и бар. Я лично провожу кастинг красоток, что будут работать на звуке и зале, приглашаю офигенного диджея, утверждаю кавер-группу, ремонт и мебель.

Получается ровно то, о чем я мечтал.

Небольшое, андеграундное, классное, модное место в стиле лофт, без стремного пафоса, с простым дизайном и уличной эстетикой, снаружи разрисованное граффити и мелькающее неоновой вывеской *«Держись подальше...»*. Название пришло неожиданно, просто вспыхнуло в голове вместе с продолжением: *«...а то затянет»*, и это стало отличным слоганом, красующимся внутри.

Когда в ночь перед открытием я стою в центре этого крутого зала в полном одиночестве, я чувствую себя ну таким шикарным, что просто готов сдохнуть на месте.

Почему я не сделал этого раньше?

Давно пора было.

Глава 7

В пятницу утром я все еще надеюсь, что мы оба сляжем с температурой. Или хотя бы Севу прихватит понос, и он просто физически не сможет пойти в ДП – «Держись подальше», как гласит флаер.

(не знаю, что двигало Кратовым, когда он так называл свой клуб, но то, что хочется выполнить эту просьбу незамедлительно – это факт).

Я нервничаю так, что не могу ничего есть и пить. К вечеру планирую выброситься в окно – все, лишь бы не сталкиваться снова с Кратовым, не идти у него на поводу, но Сева...

Сева слишком зависим от общественного страха. Я не верю, на самом деле, что он так боится Кратова, но как будто в этом городе стало ПРИНЯТО его бояться, это что-то само собой разумеющееся и очень похожее на маразм.

Я надеваю первые попавшиеся джинсы и футболку, проверяю температуру на улице (от этого зависит, пойду ли я в спортивной куртке или придется надеть кожанку). К сожалению, прохладно.

Эта кожанка слишком пафосная, чтобы я носила ее туда, куда не хочу идти, но для более теплой куртки рановато.

В конце концов я перед маленьким зеркалом не верю в то, что я вообще задумываюсь о том, что мне надеть, даже с практическими целями.

Нам с Севой до клуба пять минут пешком, и мы идем так медленно, что есть шанс прийти уже к закрытию.

И оба молчим.

Я не хочу, чтобы Сева чувствовал себя виноватым в том, что мы туда идем, ведь это я привлекла внимание Кратова.

– Мы ненадолго, – обещаю я. – Главное попасться ему на глаза.

– Это стремно. Но вдруг нам там понравится?

Я не верю, что это возможно. Этот клуб априори не может понравиться мне, ведь это клуб Кратова.

Но я молча киваю.

Просто подойти к зданию становится настоящей проблемой, так как прямо перед нами, в совершенно хаотичном порядке паркуются машины. Их много, почти все они выглядят так, будто их отлили на заводе понтов, и мы с Севой как будто единственные, кто идет пешком.

На входе БОЛЬШОЙ МУЖИК (иначе его не назвать) проверяет наши приглашительные, и мы входим внутрь.

Мне настолько не хочется быть здесь, что я даже не пытаюсь рассмотреть интерьер, не обращаю внимания на обстановку, танцпол, балкон и курилку, которая занимает отдельную зону, а сразу иду на бар, беру нам с Севой два пива и сажусь в самый угол барной стойки.

Здесь душно, пахнет сигаретным дымом, свежей краской

и переплетением чужих парфюмов разной степени сладости.

Сева встречает какого-то знакомого и, очевидно, расслабляется, чему я рада, ведь если мы оба будем напряжены, это вообще перестанет иметь какой-то смысл.

На маленькой сцене в углу музыканты с живыми инструментами, вокалист с длинной шевелюрой кого-то сильно мне напоминает, но я не могу понять, кого именно.

Музыка врывается в помещение так громко, резко, хрипло и прокурено, что я понимаю – это так сильно похоже на Кратова, так, господи, сильно. Эта музыка – как весь Кратов, как его глаза, как скулы, выточенные из камня, как его крепко сжатые губы и улыбка, созданная только для того, чтобы издеваться, а не радоваться – никогда не радоваться.

Я не могу здесь находиться, меня мутит.

Мутит от осознания, что я до смерти люблю такую музыку и такие голоса, и конкретно эту песню, которую каверит вокалист голосом так сильно похожим на Кратова.

Меня мутит.

Мутит и я очень хочу уйти, но я как полная мазохистка глотаю это пиво, не чувствуя вкуса, и зачем-то проникаюсь, проникаюсь въедающимся в глаза дымом и пивом, и музыкой, и...

– Ты пришла.

Мне отвратительно, что я его слышу, ведь музыка такая громкая. Значит он слишком близко.

Так неожиданно повернуть голову и оказаться настолько

близко к нему.

Его блестящие глаза – прямо напротив моих, и я вижу, как он готовится растянуть губы в улыбке. От него пахнет алкоголем и ИМ.

– Пришла, – отвечаю и отворачиваюсь чтобы сделать глоток.

Вокалист на сцене хватается гитару и, подпрыгивая с ней на месте, срывается на хрип.

Как же я обожаю это.

И как же ненавижу.

Его волосы мокрые, он трясет головой, раскидывая брызги.

Кратов смотрит на меня, я чувствую его взгляд виском и каплей пота, стекающей по нему.

– Я рад.

– Что тебе надо, а?

Не могу удержаться.

Потому что, ну правда. Что?

Это война?

Выживет только один?

Это игра, и я просто не знаю правил?

Мне чертовски душно в этой куртке, но я лучше умру, чем сниму ее, потому что она – моя защита, моя броня.

– Пытаюсь тебя понять, Маш.

Меня подкидывает каждый раз, когда он произносит мое имя.

– Правда? – я поворачиваюсь к нему и опираюсь о стойку локтем. – И для чего?

– Потому что я таких как ты еще не встречал.

– Адекватных?

Он смеется, и я вижу его острые клыки, такие белые, что аж жутко. Интересно, сколько раз в месяц он ходит на чистку?

– Обожаю. Правда.

Жутко смотреть на него. Жутко осознавать, что существуют такие люди. Он ведь и правда себя ощущает королем мира. Он искренне верит в это, и что же будет, если его маленький мирок разобьется?

Я не отвожу взгляда, не моргаю. Мы просто смотрим друг на друга, и это, должно быть, выглядит странно со стороны.

Боковым взглядом я вижу Севу – он уже в компании каких-то других парней и девчонок, смеется, танцует, пьет пиво и в целом, если я сейчас уйду, его никто не тронет, я уверена, потому что цель Кратова – не он.

Но я не уйду.

Я не могу.

Кратова кто-то зовет, и он машет рукой, давая понять, что сейчас занят, а я все еще не понимаю, что происходит.

– Зачем я здесь? – спрашиваю в лоб.

– Ты захотела прийти.

– Нет, и ты это знаешь. Ты захотел, чтобы я пришла. Почему?

– Потому что ты... другая.

Улыбка исчезает с его лица, и я окончательно теряюсь.

У него биполярка? Шизофрения? Он маньяк или просто придурок?

– Другая, – киваю, как будто что-то вдруг стало ясно. – Поэтому ты избил меня?

– Я не...

– Называй вещи своими именами, Глеб!

Я впервые называю его по имени, и оно горчит у меня на языке. Кратов тоже это замечает, снова его губ касается улыбка, и я зачем-то обращаю внимание на то, что они пухлые и обветренные.

– Ладно. Я... избил тебя... если ты хочешь так это называть... потому что привык так делать. Подминать под себя людей. А ты – не подминаемая. Я ответил на твой вопрос?

Думаю, недоумение написано на моем лице.

– Да, ты ответил на мой вопрос.

– И что тебе дал мой ответ?

– Осознание, что ты еще хуже, чем я думала, ведь все это для тебя – развлечение.

Кратов смеется, и вся иллюзия добродушия спадает с него, как шелуха.

– Да, знаешь, лапонька, да! – выкрикивает он. – Так и есть. Я люблю развлекаться, что в этом плохого?

Я не хочу быть той, кто станет читать ему проповеди.

Про то, что люди – не игрушки и не автоматы с жвачками.

Что развлечение – это пойти в поход в горы, а не избить кого-то за гаражами за неверно сказанное слово.

Я не стану ему этого говорить, по одной простой причине – в этом нет никакого смысла. И мне омерзительна сама мысль о том, что он этого не понимает.

Поэтому я подзываю бармена, рассчитываюсь и ищу глазами Севу, чтобы позвать домой.

Мы здесь были.

Злая собака нас увидела.

Думаю, с нас достаточно.

Но Кратов вдруг хватает меня за локоть и прижимает к себе. От него пахнет алкоголем, но он не пьян, как будто выпитое не берет его. Эта чернота в его глазах такая ядовитая, что мне совершенно нечем дышать.

– Не уходи, – говорит он спокойно, но на самом деле он выглядит таким злым, словно ярость сейчас перельется через край и затопит все помещение.

– А то что? Изобьешь меня? Или Севу?

Я ищу хоть намек на «нет» в его взгляде.

Он же не может быть прям совсем мразью, да?

В нем же должно быть что-то человеческое?

Но он не отвечает.

Злость так сильно переполняет меня, что я готова наброситься на него прямо сейчас, в толпе, бить его, хлестать, толкать, пока от него не останется чертово мокрое место!

Он молчит.

Я киваю, а потом прошу бармена принести еще пива, но оставаться у стойки в компании Кратова не собираюсь.

Ищу Севу глазами. Он облился коктейлем, и какая-то девушка вытирает пятно с его майки салфеткой. Я узнаю эту девушку. Она была одной из тех, кто издевался надо мной, она подруга Кратова – настолько близкая, что в баре сидела у него на коленках, потягивая кальян.

Пиво больше не лезет – я оставляю его на столике и быстрым шагом подхожу к Севе. Увидев меня, он смеется, рассказывая о том, что приключилось с его футболкой.

– Мила хотела чокнуться со мной, а в итоге я весь в клубничном сиропе.

Он так искренне хохочет, что я чувствую себя сволочью из-за того, что должна спустить его с небес на землю.

– Мы уходим! – я пытаюсь перекричать музыку, но, как назло, группа начинает играть самую драйвовую песню, и толпа подхватывает ее, так что мы стоим среди орущих и прыгающих людей вдвоем.

С трудом, но Сева понимает меня, и тут же улыбка его сменяется разочарованной гримасой.

– Мы же только пришли.

– Сева, мы уходим, нам здесь не место!

– Слушай, – он чуть отводит меня в сторону, чтобы нас не затоптали. – Возможно, все не так плохо. Не все люди здесь – плохие, понимаешь? Я познакомился с классными...

Я перебиваю его.

– С кем? – ребята, с которыми он танцевал, наблюдают за нами со стороны. – Эта девчонка – подружка Кратова. Она избивала меня за гаражами. А вон тот пацан, который держит твою куртку – был одним из тех, кто смеялся, когда я сказала, что написала на них заявление. Его зовут Леха.

Сева меняется в лице.

– Ты серьезно?

– Сева, мне жаль, но это все – фарс. Они отвлекали тебя, пока Кратов крутился вокруг меня, и ни один из них нам не друг. И нет тут классных ребят, только массовка для короля. Понимаешь?

Он кивает, все еще выглядя расстроенным, а потом говорит:

– Не стоило нам приходить.

Когда мы выходим и спешим обратиться подальше, две одинаковые машины отъезжают от клуба и медленно едут позади нас, освещая дорогу.

– Что нам делать? – спрашивает Сева.

Я и сама не знаю.

Не понимаю, что у них на уме, какое конкретно приключение ждет нас сегодня.

Поворачиваю голову, оценивая обстановку.

До нашей пятиэтажки метров пятьсот, слева – двор, упирающийся в длинный забор, а справа – линия гаражей, которые выстроились в ряд. Они все стоят достаточно плотно

друг к другу, но, приглядевшись, я вижу между двумя из них проход примерно с полметра.

– Бежим, – говорю я и, не успев ничего обдумать, хватаю Севу за рукав.

Он понимает с полуслова, срывается вслед за мной, и мы летим, мелькая пятками, пока не влетаем в проход. Он узкий, я скребу курткой по облицовке, возможно, даже повреждаю ее, но царапины на куртке сейчас – самое меньшее, что меня волнует.

Я слышу, как обе машины останавливаются, как хлопают дверцы, как чьи-то шаги, быстрые и тяжелые, нагоняют нас.

Я подталкиваю Севу, чтобы он бежал впереди меня.

– Быстрее, быстреей!

Не знаю, зависят ли от этого наши жизни, но лучше перестраховаться, чем потом разгребать последствия.

Я не знаю, страх это бурлит внутри меня или адреналин, или я просто хочу уберечь Севу. Но я бегу очень быстро, я чувствую стук собственного сердца где-то в глотке, и жалею только о том, что выпила – алкоголь в желудке противно плюхается во время бега.

До нашего дома всего ничего – я на ходу вынимаю из кармана ключи, краем глаза следя за Севой, чтобы не отставать от него.

Вот он наш подъезд, до него всего десять метров, пустая скамейка и, как назло, снова перегоревшая лампочка над дверью.

В груди сжимается, я слышу шаги за спиной, но все еще верю, что мы успеем забежать в подъезд и закрыть дверь.

– Ключи! – кричит Сева и оборачивается, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Страх написан у него на лице, он так сильно напуган, что свои ключи достать не сможет.

Я кидаю ему мои.

– Вот они, вот, держи!

Сева бросается к двери, и в эту секунду меня сзади хватают за воротник.

Назад дергают так резко, что я по инерции отпружиниваю и врезаюсь в крепкое тело спиной.

Я хочу крикнуть Севе, чтобы он не останавливался, но он уже видит все и замирает на месте с ключами в руках. Его тут же впечатывают в стену, схватив за грудки.

Горячая рука с воротника перемещается на мою шею.

– Что с тобой не так, Маш? – спрашивает Кратов, и я по его голосу понимаю, что он даже не запыхался, чертов козел. – Я же навстречу тебе пошел. Пригласил на вечеринку. Хотел познакомиться поближе, поболтать. А ты – мало того, что ушла слишком рано, так еще и проводить себя не дала.

Пытаюсь повернуться, но он держит крепко, а второй рукой хватает меня за локоть.

С такого ракурса мне видно только его лицо, наклоненное к моему.

– Ты всех так провожаешь? – уточняю я.

– Только особо ценных гостей. А теперь смотри. Я вполне

могу дать Тимуру команду «фас», – я бросаю взгляд на того, кто держит Севу.

– Так ты Тимур, да? Приятно познакомиться, – ёрничаю я. Тимур скалится, но не отвечает.

– Но я не буду, – продолжает Кратов. – Потому что все еще настроен подружиться с тобой. Хоть ты и вредина.

Я чувствую жар его дыхания у своего уха и дико хочу оттолкнуть его, но дело в том, что ни я, ни Сева, не отличаемся крепким телосложением, а у него еще и астма, что в данную минуту вообще все усугубляет.

– Тогда что тебе надо?

– Твой друг пойдет домой, – говорит он спокойно. – А мы с тобой прокатимся.

Он кивает Тимуру, и тот отпускает Севу, не забыв, разумеется, потряхнуть напоследок как следует.

Сева смотрит на меня, но никуда не уходит, и мне приходится рявкнуть.

– Со мной ничего не случится, Сева, иди!

– Никуда я без тебя не пойду.

– Мы просто прокатимся, – успокаивает его Кратов. – Обещаю, верну ее целой и невредимой.

Сева все еще переводит испуганный взгляд с меня на него и обратно, и мне приходится кивнуть пару раз для убедительности. Наконец, он прикладывает кнопку к домофону, открывая дверь.

Кратов вдруг отпускает меня и подходит к Севе, рывком

выхватывая у него ключи.

– Это ведь... твои ключи, да? – спрашивает он, глядя на меня с улыбкой.

Я молчу, но он и так все понимает и, довольный собой, пихает их в задний карман своих джинсов.

Глава 8

Маша Самсонова даже не представляет, что сейчас присутствует при моем самом любимом ритуале в жизни.

Мчать на полной скорости по ночной трассе под музыку, от которой звенит в ушах.

Я готов так ехать сутками, по асфальту, обрамленному с двух сторон огромными соснами, под небом, под завязку набитым звездами.

Это наполняет меня силой.

Как и сейчас.

Я не знаю, с какой скоростью мы движемся, так как не смотреть на спидометр – это основное правило. Ничего не слышать – правило номер два.

Единственное, что меня интересует – это ночь. Темнота, которая скоро сменится ярким таким рассветом. К этому времени я обычно доезжаю до скалы и встречаю солнце в полном одиночестве, закрыв глаза и впитывая в себя день, который будет особенным. Я надеюсь.

Не знаю, зачем тут Маша.

Никто и никогда не ездил со мной сюда – это только мое, это то что я оставил себе, взял и украл себя у остальных. Я всегда кайфовал от того, что я здесь один, без подхалимов, запуганных псевдо-друзей и тех, кто пытается ими стать.

Один.

Сам по себе.

И могу смеяться так, как никто никогда не услышит.

Могу смотреть на солнце и слепнуть, и плакать, и мечтать о жизни, которой у меня никогда не будет, но...

Зачем же здесь Маша?

Зачем?

Я бросаю на нее взгляд. Ее лицо освещается только подсветкой с приборной панели и магнитолы.

Она не выглядит напуганной, чем снова поражает меня.

Она просто смотрит перед собой, смотрит так сосредоточенно, будто у этого путешествия есть конечная цель, и она ее знает.

Мне не хочется с ней говорить. Она расстроила меня тем, что ушла с вечеринки.

Но больше меня поражает то, что с нее ушел и я сам.

Моя вечеринка.

Мой клуб.

Прямо сейчас там самый разгар пьяных тел, драк, истерик, танцев, секса в туалете и за клубом, разбитых тачек в пьяном угаре – мое любимое.

Но я ушел.

Почему?

Я снова смотрю на Машу.

У нее длинные ресницы и острый подбородок. Мне хочется схватиться за него, хочется как-то присмирить это упрямое лицо, заставить его подчиниться.

Почему?

Мало мне тех, кто подчиняется?

Тех, кто готов лизать зад, прыгать на задних лапках, смотреть в рот, прибегать по первой просьбе?

Почему она?

Что в ней такого?

Неподгибаемая.

Гордая до посинения и...

Слишком правильная.

Можно ли разрушить ее? Сломать, подогнуть? Чтобы она перестала быть хорошей.

Или...

Другой вопрос – а нужно ли?

Я не знаю, сколько в баке бензина, я знаю только, что должен успеть до рассвета к скале.

Обычно я выезжаю раньше.

В какой-то момент Маша совсем перестает ерзать, и я даже думаю, что она уснула, но потом вижу, что она просто смотрит на меня.

Так странно.

На меня каждый день смотрят сотни людей – смотрят по-разному, но впервые в жизни мне правда интересно, что она видит?

Кого?

Монстра?

Кретина полного или запуганного папочкой пацана?

Она знает так много...

И так много НЕ ЗНАЕТ.

Я хочу задушить ее, чтобы не испытывать эти странные чувства под ее взглядом, но я не сделаю этого.

Потому что, удивительным образом, она заставляет меня чувствовать себя живым. Впервые за долгие годы.

Кратов не вывозит меня на кладбище и не заставляет рыть самой себе могилу – уже хорошо.

Так же несомненный плюс в том, что он отсылает Тимура и никто за нами не едет, а значит, один на один у меня даже есть один из трех миллионов шансов одержать победу.

Я могу швырнуть в его глаза песком, к примеру. Или вцепиться в его уши пальцами.

Я не знаю, куда он везет меня.

Не знаю, что задумал, и есть ли вообще у него план или он действует как его левая пятка пожелает.

Но поразительно – мне не страшно, пока он мчит по пустому шоссе, слушая мою любимую группу на полном звуке.

Я не хочу этого признавать, но этот грохот барабанов и бас-гитары, эта скорость и гладкая трасса с выстроенными в ряд деревьями отвлекают меня от того факта, что за рулем – Кратов. Что он – мой враг, а я с ним ночью одна, непонятно где.

Мы едем и едем. Я смотрю на часы примерно раз в сорок минут и понимаю, как же мы далеко, когда небо начинает

светлеть.

Скоро утро.

Утро!

А мы все едем.

Но если я открою рот и спрошу у Кратова, куда, то я сдамся первой, и эта умиротворенная тишина между нами закончится.

Поэтому я просто смотрю на него, не отрываясь, пытаюсь понять, что у него в голове. Какие тараканы там ползают, сколько их и есть ли шанс, что они навсегда уйдут?

Наконец, впервые за несколько часов, Кратов оттормаживается и включает поворотник, сворачивая направо.

Мы уходим с основной трассы и едем по простой гравийной дороге, намного медленнее, чем до этого. Я оглядываюсь по сторонам. Светает, и я могу рассмотреть очертания окрестностей. Вдалеке виднеется населенный пункт, но до него еще километров пять, а вокруг нас – пустырь и поля.

Прекрасное место, чтобы всадить кому-то пулю в лоб и уехать.

Я бросаю взгляд на Кратова, он не выглядит ни уставшим, ни сонным.

Рука на руле, на мизинце – кольцо с зеленым камнем, на запястье дорогие часы.

Он в рубашке.

Я впервые это замечаю, в клубе я не обратила на это внимания, но...

Он в рубашке.

В черной. Она плотно сидит на его плечах и торсе, но при этом выглядит, словно пошита специально под него. Он замечает, что я разглядываю его, так что мне приходится в спешке отвернуться.

Мы проезжаем еще около километра, прежде чем сворачиваем с дороги совсем, шуршим колесами по каменистому покрытию еще полминуты и останавливаемся.

Я оборачиваюсь назад, ничего не понимая, а потом вслед за Кратовым выхожу из машины.

Перед нами обрыв.

А впереди – водная гладь, такая ровная и прозрачная, что даже с высоты можно рассмотреть каждую мелкую рыбешку на дне, но главное – не это.

Главное – горизонт, который виден весь, как на ладони, и из-за которого прямо сейчас, по миллиметру, выглядывает яркое сентябрьское солнце.

Кратов смотрит прямо перед собой. Я вижу улыбку на его лице и впервые эта улыбка не кажется вымученной, вырванной из нутра силой. Она искренняя, почти не заметная...

Она пугает меня.

Я оглядываюсь по сторонам и снова смотрю перед собой. Красота такая, что голова кружится.

Под нами – пропасть, скала, сорвешься – не выживешь. А впереди – такое, ради чего некоторые и жизнь отдадут без вопросов.

– Только здесь я понимаю, как коротка жизнь, – говорит вдруг Кратов.

Эта внезапная философия после часов молчания мне не ясна, и я уже хочу в очередной раз огрызнуться, когда он вдруг...

... Хватает меня за руку и резко подводит к самому обрыву!

Дыхание перехватывает, а сердце на секунду останавливается совсем!

К глотке подступает паника, я не успеваю издать ни звука. Я чувствую как обваливаются под ногами камни, слышу как они падают в пропасть, и хватаюсь за Кратова обеими руками, обнимаю его за пояс, впиваюсь пальцами в его рубашку, вжимаюсь лицом в его шею.

Потому что если мы упадем – то вместе.

Я не дам ему убить меня.

Я не позволю.

– Как близко, лапонька, – говорит он, и я, подняв глаза, вижу, что он улыбается. – Не обязательно так прижиматься.

– Что ты хочешь? Скинуть меня? Давай, попробуй.

Его лицо почти прижато к моему, я чувствую его дыхание, его ресницы касаются моего лба.

– Проблема в том, Маш, – он опускает взгляд на мои губы, и мне вдруг становится трудно дышать. – Что я и сам не знаю, чего я хочу. И ты – тому виной.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.